

18+

**МАРИЯ
ТЕРЕХОВА**

ПУТЕВОДИТЕЛЬ [РАССКАЗЫ]

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ,
ВЫЛИВАЮЩЕЕСЯ В МЫСЛИ
ПРОСТО ЖЕНЩИНЫ

Мария Терехова

**Путеводитель [рассказы].
бессознательное сознательное,
выливающееся в мысли
просто женщины**

«Издательские решения»

Терехова М.

Путеводитель [рассказы]. бессознательное сознательное,
выливающееся в мысли просто женщины / М. Терехова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748666-2

О том, где. И что, если — внутри. Как близко ощущение, ощущаемое с кем.
Когда в чемодане биография, в ногах хореография. Города — самолетами,
любовь — самоналетами. О том, как распадаешься алфавитом на саму себя
и вращаешься — ретроспективой возвращения. Проза меня — о том, как
меняет и меняется. Буквами, километрами, встречами не встреч, мной —
книга. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748666-2

© Терехова М.
© Издательские решения

Содержание

Amsterdam RAI1	6
Гарны дивчины у Києві	10
Ирисы [исповедь]	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Путеводитель [рассказы]
бессознательное сознательное,
выливающееся в мысли просто женщины
Мария Терехова**

Лена, спасибо!

Без тебя – не было бы бирюзы.

© Мария Терехова, 2016

© Елена Аскольдович, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Amsterdam RAI¹

*Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.
/Анна Ахматова «Прогулка»/*

Совсем нечаянно, заворачивая за бордово каменный угол, я врезалась взглядом в четко сложенную плитку под ногами и нашла там – влюбленность, перцово-сладкую. Точно кипяток в чашке чая, который случайно глотаешь так быстро и неожиданно, что обжигаешь небо. Осенью мне казалось, что я влюблена в девушку. В ее эксцентричность, красоту, мысли – как будто в личность, что поделать, я эстет. И не то, что бы пришло разочарование, а просто прошло очарование. Ведь что-то есть там внутри, а все-таки не то, разукрашенный максимализм, может, возраст пока такой, юношеский. А теперь вот мужчина, совсем мне неинтересный. И знакомили нас родители лет десять назад на речке, а на мне был арбузный купальник и вот-вот аттестат о среднем образовании.

У меня на днях разлетелся на куски многострадальный роман и задний бампер. А еще я очень боялась летать с пересадкой, а жребий пал немилосердный – лететь через запутанный немецким языком Франкфурт. На самом деле все просто, особенно когда уже хуже не бывает. Облака были так близко, большие ватные массивы, и по ним ходит Бог, если он тут живет на самом деле. Аэропорт во Франкфурте огромный, но, как выяснилось, не сложный. До выхода А40 я натерла обе пятки и чуть не улетела в Зальцбург.

Амстердам как-то сразу понравился, сразу стал моим. Не знаю, в чем причина – в нем самом или во влюбленности, или этот идеальный фильм не подлежит раскадровке. Я люблю город, если ты в нем занят, я сразу такой город уважаю. Он не крадет драгоценное время, а непременно дарит. Идти на работу в Амстердаме – это как не идти на работу в Воронеже. Вообще, у каждого города есть свой цвет, эксклюзивный и только ему принадлежащий: Париж – бежево-серых тонов, приглушенных, очень серьезный и холодный. Рим – развеселый разноцветный, но все-таки желтый, Киев – сочно зеленый, в крапинку из цветущих каштанов, а вот Амстердам – красный, стройный, как классический кирпич. Это город утреннего умиротворения: завтрак с видом на причал небольшого канала, поступающий в легкие воздух с горочкой, как капучино в большой кружке, свежая дышащая улица из тюльпанов, и вот ты идешь работать в РАЙ (но это совсем не значит, что в России я иду работать в ад). У нас самый красивый стенд, напротив два потрепанных француза – толстый и тонкий, китайцы непрерывно щелкают камерами нашу галерею (по их словам «contemporary art gallery»), принадлежащие ему широкие плечи не дают покоя, и даже разговаривать по-английски нестрашно. А он непрерывно шутит, совсем неприлично смотрит, будто касается, и ведет себя как пятиклассник, дергающий за косичку.

Я всегда и при любых обстоятельствах считаю, что женатый мужчина, укомплектованный двумя детьми, вертолетом и красивыми руками – это не для меня, это занято, это слишком. О, боги, боги, куда девались мои стыд и совесть?

Интеллект – очень важно, особенно его наличие. Подсознательно мы всегда ищем людей совершеннее нас, дабы у них научиться, подсмотреть, украсть новую информацию, превраща-

¹ Amsterdam RAI – крупный выставочный центр в Амстердаме – *Примеч. авт.*

емя даже как-то в идейных kleптоманов. А этот мальчишка в возрасте Христа ненавидит читать книги, пьет бутылками белое вино, раздражается на болтовню по-французски и нецензурно выражается, но умеет смешить и убеждать. Не с ним ходить в музеи Рембрандта и Ван Гога или вдумываться в судьбу Анны Франк, с ним изучать все местные музеи секса и эротики, курить паровозом косяки и залиvistо смеяться. А я работаю, улыбаюсь:

«Hello, How are you?»

«We produce the road marking materials».

«From Russia».

«Oh, really!»

«Yes, it's like an art gallery».

«Of course you can take the picture with us!»

«What do you want from me?»

«You».

– И я, – кричу где-то в глубине сознания, и пусть меня заберут в плен китайцы, если это не так. Влюбленность распознаешь на стадии зажавшегося отрицания свеклы как изысканного блюда в ресторане с мишленовской звездой. Все так просто, как легкий уровень в балде на айфоне – он всего-навсего не составляет слова длиннее трех букв.

Амстердам такой велосипедный. У велосипедистов приоритет перед людьми, машинами, вселенной. Рискуя жизнью несчетное количество раз на дню, несанкционированно погружая две ноги на повсеместно раскинувшуюся велодорожку, я размышляла как раз о них, о ногах: вы понимаете, они же сами по себе ходят. Одна, другая, одна, другая – как они узнают, что надо идти? У меня очень самостоятельные ноги. Они постоянно касались его ног под столом, а страдала я вся, то холодно холодея, то впадая в жаркий жар. В хмельном тумане я похожа на Брижит Бардо, а он растянулся на ковре в баре и беспардонно забросил свои ноги в ботинках с черепами на диван, мелодраматично закуривая сигарету. Остапа несло в откровенность. Остап неосторожно признался в давнем чувстве, еще из моего юношеского детства. Я сосредоточенно, сквозь дымку лет, расставляла факты, диалоги прошедшей давности и приходила к неутешительным выводам: безумного секса не будет, и это все – чертово благородство.

Однажды зимой я уехала в Москву как бы насовсем, заранее зная, что побег обратно станет счастливым моментом. А этот странный мужчина, пробежавший сейчас пальцами совершенно случайно по моему колену, зачем-то занырнул в глаза, да там и утонул. А ведь он мог изменить мою столичную жизнь, отрезая обратный путь, если бы я только позвонила. Если бы.

Амстердам надо изображать на красном холсте с зелеными конопляными прорисовками. В воздухе его узких проулков стоит слой местного дурмана, который можно пощупать не руками, но разумом (хотя накурившись, можно и руками). Шоколадные чудо-кексы распространялись по организму долго и поступательно, наливая тело свинцом, утяжеляя веки грузами, подвешенными на ресницах, заворачивая язык в железную трубу. Реальность превра-

щается в сложную схему, само ее восприятие ты анализируешь и подводишь важные итоги. Главный итог: я – единственная, кого он не тронет ни одной частью своего тела, руководствуясь социальными рамками, совестью и благородными принципами. От злости и похотливого отчаяния сводит зубы, лопатки, бедра.

I amsterdam. Женщина любит ушами. И, перепрыгивая с огромной красной буквы А на такую же мощную букву М, я не перестаю быть женщиной, которая любит ушами. И даже уместившись полностью в желтом золушкином башмаке посреди площади Дам, я не переставала ей быть. Мои уши остались сыты и довольны. Они семь лет сидели на диете и кушали только стихи и монологи, нравоучения, как надо правильно любить и делать минет. Они не ждали обещаний, просто у меня очень воспитанные уши. А пока я выросла, превращалась в самостоятельную женщину, сращивала рыжие волосы и искала смысл жизни, со мной происходила история без моего участия. Так бывает, что тебя замечают в арбузном купальнике, но тебе пятнадцать и ты дочь друга. Так бывает, что он бежит искать тебе йогурт, чтобы спасти от изжоги, а ты так много думаешь о том, какое его тело под этим джемпером с Багз Банни, что врезаешься в автобус. У меня случился в Амстердаме роман, которого не было.

На мне узкая юбка и черная рубашка, а мне кажется, что я голая от того, как он меня ест. Старательно размахивая бедрами, я провоцирую его психику (да и свою), а феромоны так и бегают по всему телу, то и дело забегая в декольте, а я пока роюсь в буклетах и усердно улыбаюсь иностранщине. Выставка превосходна! Разрисованные под гжель отбойники (а гжель придумали не мы, и не голландцы, а все те же китайцы), говорящие светофоры, грузовики со встроенной кухней, тарелочки-зеркала заднего вида, рука, трогающая шею между делом, и улетающая куда-то из-под ног ковровая дорожка, в сторону, и летящие по ней в пропасть корейцы с чемоданами.

Физика в отношениях между людьми – либо есть, либо ее нет. Физики без эмоциональной стороны внутри меня не бывает, и кто воспитал во мне эту романтичность? За семь лет любить одного человека – привыкаешь, и сейчас я хватала, как рыба ртом воздух, это экстренно новое чувство, жадно, ревниво, неразборчиво, да и к чему разбираться, это все будет потом, после, когда пройдут эти ночные звонки по внутренней связи из номера с перпендикулярным знаком бесконечности, когда останутся только улыбчивые люди на полароидной карточке где-то на улицах Амстердама.

Все дома в Амстердаме очень похоже, они стоят в ряд, тесно прижавшись друг к дружке, словно строй разномастных солдатиков, маленьких и больших, вжавших головы в плечи, округливших причудливые глаза-окна. На улице Красных фонарей в первых этажах таких домов стоят темпераментные полуголые девы, моментально психующие при виде фотоаппарата, задевающего их честь и отменный целлюлит. Вдыхая весь Амстердам, я смотрю, как он развалисто идет впереди, иногда немного семенит, большущие руки не болтаются по инерции от ходьбы, а будто зафиксированы сильными плечами. Утром я получила синее облачко, оцарапавшее мозг, отравившее последний вечер с чудо-кексом. «Маша когда тебя встречать?» – именно так, из прошлого, с пунктуационной ошибкой и с благородной целью. Второй случай благородства за неделю – это перебор.

Перелет обратно был через Вену, со своими странностями аэропорт-наоборот. Я везла домой вполне интересный сувенир из амстердамской влюбленности, который будет висеть на холодильнике и потихонечку угасать, превращаясь в обычный магнит.

2014

Гарны дивчины у Києві

Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?

/М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»/

Київ встретил нас, обнял и сразу втянул в столично-типичную круговорот с хамоватым хлопцем, двугривенным метро и разливным Днепром. Хотя нет, все началось в душном плацкарте за восемьсот рублей с дедком, тяжеловатым на ухо, и неприятной склочной украинской бабой на нижних полках. А рядом теснилась на боковушках чудесная семья с тремя детьми – улыбчивой Машей и близняшками Назаром и Богданом. На границе их долго подготавливали к приходу таможенников, уговаривали и назидательно поучали правильному ответу, и их страдательно-жалобное «они будут на мене дывиться, я нэ хочу» загнали нас под стол в судорогах хохота. От них мы узнали о первой достопримечательности Киева – сверкающей на солнце железной статуе со щитом, возвышающейся над крапивно-зелеными холмами матери городов русских и видной из всех уголков города, которую мальчишки за завтраком, поедая «Омычку», обозвали «злой тетей Мотей» – так мы ее и запомнили.

Путь до гостиницы смело могу назвать героическим и экскурсионным – часовая прогулка под знойным украинским солнцем с неподъемной сумкой на плече, набившей мне первый киевский синяк (наверное, это две пары так и не обутих туфель на шпильке, фен и верный никон так нежно избивали мою плоть), мимо памятника Гоголю, проката велосипедов, местного театра с представленным в репертуаре спектаклем «Моя дружина – брехуха» (на тот момент, обладая идеальной незапятнанной репутацией, в отношениях с мужчиной брехухой почему-то слыла я), в компании с Днепром по правую руку – и вот мы на месте. Уже в последний вечер я категорично заявила А., что жить в отеле и не напиться в его баре на десятом этаже – признак дурачины, стукнула себя в грудь и захрапела. А. меня поддержала.

Заклеив пластырями мозоли и почесав синяки – вперед! – двинулись покорять Київ. Стояли первые майские деньки, солнце палило нещадно, обдавая жителей города, его гостей и нас тридцатиградусной жарой, и Днепр так и соблазнял своей прохладой и тишиной. Пробежав по-царски раскинувшийся Хрещатик от жадности слишком быстро и как-то ненасытно, и как-то сумбурно, и совсем уж спотыкаясь, мы вышли к Европейской площади. Там мы посидели на скамьях, расположенных амфитеатром, полюбовались на Арку Дружбы народов. Нас как-то сразу восхитила способность киевлян к парковке: они оставляют машины не вдоль бордюра, а на нем, причем в несколько рядов, экономя пространство. И вот мы немножко посидели, немножко посмотрели, поохали как красиво, и пошли дальше. Вверх по улице Грушевского – слева знаменитый стадион Динамо и прилегающий к нему Міський парк, справа Художественный музей, строгий, красивый, с колоннами, темно-серый, серьезный. Понравился. Рядом два щупленьких гаишника, объясняющие жертве, как правильно ездить. Поддерживаем, а то носятся по исторической брусчатке, точно истории не жалко. Судя по тому, что при каждом нашем путешествии по Грушевского эти двое сиротливо следили за соблюдением правил дорожного движения, смею внести их в список достопримечательностей. Прошли здание Верховной Рады, которая самым вульгарным образом отгородила себе во владение бордюр для пешеходов, установив железный забор и стража порядка, заставляя простых смертных прогуливаться по проезжей части и пробираться сквозь мерседесы и бумеры – мне кажется, это для людей! Далее Мариинский парк с видом на нашу левобережную часть Киева, который мы посетили не раз. Однажды вечером мы натолкнулись там на кучку парочек, танцующих латину,

и пусть это было не профессионально, даже немного хаотично, зато от всей души, особенно зажигала женщина в черном платье, выкручивающая бедрами необычайные кренделя и очень этим смущавшая свою партнершу, да-да, партнершу, а может и не смущавшая, черт их разберет!

На Майдане Незалежности мы останавливаемся на нулевом километре, сверху на нас подозрительно смотрит Берегиня, а я отчаянно ищу Одесу, черноморскую жемчужину. А. язвительно бурчит сбоку: «Ты не в Одессе живешь, не выпендривайся». С Майдана двинулись по Михайловской вверх к монастырю, потыкались в толпе, уткнулись в фуникулер, отложили его на потом, и по Десятинной к Андріївському узвізу. Дальше все плачевно – горы щебенки, вывороченной брусчатки, рыхлый песочек, краны, строительные леса и цемент. Увы и ах – до музея Булгакова нам было не дано дойти, что стало сильным предательством со стороны Киева. Но остановимся у Андреевской церкви. Очень хороша и красива! Чистая, скромная, светлого голубого цвета, сияющая позолоченными куполами, на краю холма – замерла и будто упирается в небо. Возможно, она запала в наши сердца еще и из-за своей лирической легенды: в Андреевской церкви нет колоколов, поскольку по преданию некогда тут было море, и оно ушло в гору, оставив место городу, и если ударить в колокол, то море выйдет из горы и затопит эти святейшие места. Этот колокол, которого нет, не давал А. покоя все киевские дни – «А давайте стукнем в колокол!» – просто на море хочется посмотреть.

Сдаваться сразу и мириться с недоступностью Андреевского спуска – это не по нам. Мы решили всех обмануть и подняться по спуску вверх, просто и по-женски: сделать все наоборот. Спустившись по Воздвиженке, усыпанной цветными пряничными домиками, похожими на картонные театральные декорации, к Нижнему Валю, отыскиали начало узвіза и наткнулись на табличку «Ходу немає». Потерпев окончательное фиаско, обиженные, мы пошли к Почтовой площади, зайдя по дороге на Житний рынок, буквально ныряя в море вышиванок, скатерок, платков, а я даже в порыве сентиментального приступа приобрела рушник, спродованная украинской традицией – считается, что невеста должна сделать вышивку крестиком на рушнике и подарить своему жениху (возможно, к пенсионным годам я вышию палочку – горизонтальную или вертикальную, могу и весь комплекс линий дорожной разметки, но это при условии, что с меня снимут титул брехухи). На Почтовой площади мы сели отдохнуть и поизучать карту в симпатичный дворик, где застали некоего мужчину, на расстоянии метров в двух от него курившую женщину и ровно посередине между ними пустую бутылку шампанского, служившую признаком их натянутой связи. Подслушав их разговоры, мы выясняли, что они в любви, но в ссоре. «Я тэбэ все объясниииила, шо нэ поняаатно?» – и как в фильмах – далеко внизу тихо плещет Дніпро, ветер шелестит листвою и благоухают кусты сирени, и кажется, что мы даже слышали, как пустили фоном музыкальную дорожку «Ты ж мэнэ подманула, ты ж мэнэ подвела». Отдохнув, мы решили отдохнуть еще, совершив часовую прогулку на парохоме по великой реке. Нашему восторгу не было предела целую дюжину минут, а дальше все прозаично – справа холмы, слева пляж, развернулись назад – справа пляж, слева холмы. Устали мы за этот час больше, чем за шесть часов ходьбы, с обгоревшими носами и плечами почему-то только с правой стороны, насмотревшиеся на тетю Мотю со всех ракурсов и слегка ей утомленные. Но наконец, наш Каштанчик-17 пришвартовался к палубе, и мы в счастье сошли на берег и двинулись к фуникулеру (как сказала одна гражданка, совершенно не имевшая к нам никакого отношения, «киевский фуникулер – это экшен!»). Итак, экшен стоит всего полторы гривны, очередь на него выходит за пределы здания несколькими вилюшками, и, пропустив около четырех посадок, мы, наконец, забрались в этот синий пузатый вагон, немного мультяшный, и двинулись вверх – тут нас настигло легкое разочарование, поскольку в ощущениях не было ничего необыкновенного, кроме двух больших поп впереди и трудности

с проникновением воздуха в легкие назальным путем из-за плотной массы народа. Но, оказавшись на вершине, даже голова закружилась – так высоко и красиво! Спасибо, пузан! Уходящие вниз пути, аркой нависшая зелень, где-то сливаясь с небом, выглядывает Днепр, словно подсматривает, и вдалеке возвышаются железные баррикады недостроенного моста. Ах, Київ, вроде ничего особенного, а так цепляешь!

В холмистом Киеве есть что-то мистическое – там точно живет черт. Например, нам всегда казалось, что мы постоянно с одышкой поднимаемся вверх, и совсем редко идем налегке вниз, или до сих пор загадка, почему не все киевляне платят в маршрутке за проезд, или почему дождь каждый день начинается около трех часов пополудни, или куда пропала киевская карта по приезде в Воронеж, или что, в конце концов, означает постоянно преследующее нас слово «будинок», или этот вечный поиск незапароленного wi-fi, чтобы собственно узнать, что «будинок» переводится просто как дом. Сущая чертовщина творилась со зданиями, которые нам хотелось найти, но мимо которых мы упорно проходили, нарезая круги, зная при этом точный адрес и заранее отыскав это место на карте. А чтобы выйти на улицу Гончарную, мы с А. пролетели мимо нее три раза, и только потом обнаружили сырую деревянную лестницу в кустах. Загадка на загадке. Или как мы искали фестиваль-ресторацию Диван. Мы облазили вокруг Бессарабской площади все вдоль и поперек, в несколько заходов, в несколько вторых дыханий, и только на третьем уперлись в вывеску с названием, и кто теперь разберет – отсутствовала ли эта вывеска до этого, или на нас напала пятиминутная катаракта.

Ах, как мы влюбились в Пейзажную аллею. И снова загадочность Киева – идешь-идешь по стандартно киевскому урбанистическому проспекту, поворот направо во двор и вдруг оказываешься в ласковом детстве – милая аллея точно ручей огибает зеленый обрыв и предлагает гуляющим невероятные сумасшедшие лавочки. Мы с А. посидели на каждой инсталляции современных скульпторов, будь то торчащие из асфальта устрашающие руки или барный стул с отличным углублением для двух половинок пятой точки. Пробираясь сквозь пластмассовые подушки, астрономические башни, железные фигурки, цветных писающих мальчиков, домики и горки в виде кошачьих морд, мы с А., жадные до того, чтобы всего коснуться и везде открыть свой рот (открытый рот – тематика Пейзажной аллеи), норовили согнать счастливых детей с очередного аттракциона под ослабевшими от киевского каштанового воздуха бдительными взглядами мамаш, и бежали сломя голову залезать в рот зайцу или коту.

Отдельное наше внимание привлек Театр Ляльок в виде сказочного дворца в Крещатом парке. Бронзовые Буратино, Мальвина, Пьеро, Папа Карло и жаба обосновались там навечно и позируют рядом с туристами, получаясь на фото просто бесподобно (не то, что я под шляпой папы Карло с одним закрытым глазом). Обычная семья прогуливалась с нами под накрапывающим дождиком (ну естественно, было три часа пополудни) по окрестностям театра, и когда их очаровательный мальчик лет двенадцати подбежал к веселому Артемону, родители в удивлении достали фотоаппарат и приготовились его снимать на долгую память. Сынишка вскочил на пуделя, заорав: «Умри!». Какая прелесть!

Петляя по паркам недалеко от театра, мы с А. каким-то неожиданным образом вышли к Мосту поцелуев, который еще называют чертовым. Логика так и шепчет, и вот почему – этот мостик соединяет два киевские холма и пролегает над обычной автомобильной дорогой на высоте порядка пяти метров (или десяти, у меня кретинизм в области мер, но как факт – очень высоко!). Сам по себе он узкий, с железными поручнями и увешан пестрыми замочками – явный знак присутствия тысячи влюбленных мужей, которые перенесли не менее влюбленных жен на своем горбу через мост. Однако к этому стоит добавить, что мост популярен

среди самоубийц. Такая вот ирония местных жителей – и в счастье, и в горе. И правда, стоит посмотреть вниз и становится просто страшно – основание моста, который ходит ходуном, состоит из старых досок, расшатанных и с огромными расщелинами, что через них видно, как под тобой пролетают цветные крыши машин. А. вцепилась в поручень и сообщила, что только идиоту придет в голову тащить бедную девушку к счастливой жизни, скорее уж в последний путь. Уговорами о мороженом и сокращении нашего пути (не жизненного, а километрового), мне удалось телепортировать А. на другой холм. Такой вот поцелуйный мост самоубийц, вдохновляющий на замужество.

А в день Перемоги мы с А. уже сидели на своих чемоданах, полные счастья, впечатлений, киевских тортов и магнитов (а я еще и с рушником зачем-то), и покидали чудо-град. Было грустно, как всегда бывает грустно в конце путешествия, но что-то осталось от меня в украинской столице, и я еще обязательно вернусь дышать этим каштаново-сиреневым воздухом (фальшивая уверенность всех путешественников). Київ – приятный и нежный, как хороший друг, с которым вроде только начинаешь общаться и еще пребываешь в розовых очках производства эйфории влюбленности, но уже чувствуешь, что веришь ему давно и следуешь правилу верности. Я не знаю, как А., а мне Киев стал дорог, словно мы пережили с ним *историю*. Я же люблю.

2012

Ирисы [исповедь]

*Помните, как я вас ждала тогда в парке – всю себя держала
в руках, как охапку цветов, готовая поднести эту охапку вам.
/Ф. Ск. Фицджеральд «Ночь нежна»/*

Осень, что ли, в июле, последняя, завершающая, достаточно уже, хватит. Совсем желтые старые листья, и мы старые; как я сама, как сами мы повзрослели за столько лет, долбанных лет. Как было трудно дышать от уродливой цикличности происходящего, всегда одной и той же мыльной пьесы, от замкнутости, закупоренной в ржавой банке любви в уксусе, этого избитого убогого слова, выцветшего до дыр, некрасивого, не сотвори себе мейнстрим. Как ничего не значила твоя кривая пирамида повторений, наслоений, никчемных осмыслений, наигранных восклицаний, актерского баловства, вечного монолога. Когда уже незачем насиловать несчастный тюбик пасты, когда-то наполненный мятным смыслом, защищающим от кариеса. И как же было тяжело, словно не семь лет за плечами, а семь пудов прошлогодней картошки с проростками.

И что, если мной было вымолено твое обещание больше не приходить (не выполнишь), иначе я сломаю тебе ноги (они целы), ценой мокрых потоков (они высохли), конвульсий (они атрофировались). Что, если меня рвало всю ночь (через рот переработанным любовным мусором) от тебя, от нашего, от меня. В унитаз блевались крымские встречи, единственные ромашки, глотки марихуаны, секс в яблоневых посадках, костюм деда мороза, домодедово, свадьбы твоих друзей, цветаева, моя измена, шука, питерский вокзал, твоя сперма, последнее ощущение губ (губы будут еще, ощущения губ больше не будет). И да, я терпеть не могу ирисы.

я.

То, что недавно было декабрьским снегом, чвакало под ногами и неприятно заполняло угги. Столичные люди засыпали по своим домам в тепле и зевали на нас, топчущих слякоть и свои многочисленные ошибки. Неуютный стол в пустой дорогой забегаловке ломился от чайничка чая, сахара рафинад и ненавистных с детства грецких орехов, которые застревали у меня в горле, словно вонючие европейские каштаны. С тобой был лиричный Александр Сергеевич, признавшийся мне своими стихами в твоей любви, а мне так сложно было тебе поверить, как будто я уже знала заранее, что через несколько дней ты бросишь меня разбираться с моими проблемами одну, руководствуясь исключительностью своей рациональности, дабы я «не мешала перед глазами». После второго противного ореха прозвучала неаккуратная фраза о возможной свадьбе через год, и ты в блаженстве начал грызть третий. По идее осчастливленная своим скорым замужеством, рука в руке, я была сопровождена в квартиру к сестре, где случилась любовь в количестве трех раз в честь нашего примирения, и у тебя все стало хорошо, а у меня как-то не очень. У тебя все встало на свои места, когда утром ты оставлял меня на перроне столичного метрополитена, целуя в ухо, одетый в зеленое, будто военное, пальто, возобновляя наш телефонный роман, проживший еще несколько лет, дотянувший из последних сил, пока не дошел до конечной реанимации, которая не помогла.

ты.

Звонок в мощную дверь на двадцать первом этаже, скользкий кафель и тяжелая связка ключей, среди которых никак не находился тот, который кинет меня в твои руки, а ты возбужденно торопил по ту сторону баррикады и как никогда чувствовал, что я рядом. Щелчок, клацанье железа, я подлетела и начала жить только твоими губами на шее, щеках, ушах, волосах, глазах, зажатая между желтой стеной и всем миром, который есть ты, поднимающий меня,

опускающий, жаждущий рассмотреть каждую точку на мне, но срывающийся от нетерпения на поцелуй, на ощущения, на попытку вдохнуть меня всю в себя и носить всегда с собой в легких рядом с «русским стилем». Ты ждал ответной реакции, тряс, выпытывал, а находил поджатые губы, сдержанные глаза, холодный рот, ненужные слова. В ту минуту моего уродского извращенного благородства я отталкивала тебя, прогоняла, разочаровывала ради тебя же самого, прокручивая в голове все ночи перед твоими неизбежными, регулярными как ноябрьский грипп, отъездами, мысленно подметая осколки еще будто бы не разбившейся нашей экстремальной близости, и, господи, в эти минуты я любила еще сильнее, но готовая разодрать тебя в клочья. Холодная и синяя как голый манекен, я равнодушно отвечала на губы в губы и колола тебя каждой фразой, подлая и злая, жалко пытавшаяся этим вырвать из тебя одно единственное, что вернуло бы мне веру – пять самых обычных слов, пять наших слов, которые были спасательным кругом: «у нас все будет хорошо». Ты сказал свою интерпретацию: «я буду играть в Театре».

ты, я

Ты сидел в стареньком, когда-то красном гамаке, теперь бледном, в тени, создаваемой пляжным зонтом цвета фанты, сосредоточенно читал, иногда хмурясь, периодически отмахиваясь резким движением руки от мелкой колхозной живности. Я была напротив, развлекала твою трехлетнюю крестницу и ловила каждое движение твоих скул, каждый момент, когда ты сводишь лопатки на безумно красивом смуглом торсе, прогоняя боль в спине. Когда девочка в игре произносила какой-то волнительный для тебя звук, ты, трактуя его как возможный сигнал опасности, рывком поднимал глаза от книги и искал ее глазами, быстро оценивая обстановку, и убедившись, что все нормально, поцеловав меня взглядом, снова погружался в чтение. Я никогда не ревновала тебя к сотням женщин, которые окружали тебя, соблазняли, ночевали, трогали, но, черт возьми, как я адски ревновала к этому белокурому существу, с маленькими ножками и ручками, потому что когда милый добрый пес, твой любимец, в азарте просто лизнул ее за палец и она капризно пискнула, ты готов был размазать его по бетонной дорожке перед домом. О, никто и никогда не чувствовал так чутко, как я, если ты искренне кого-то любишь. И от одного твоего тревожного взгляда, окутывающего ее в кокон из заботы и нежности, во мне прямо пропорционально рос огромный ком ревности, который я всеми правдами и неправдами глотала и давила, потому что мне казалось, я схожу с ума, если испытываю такое к ребенку. Я страшно ловила себя на мысли, что буду ревновать тебя к нашей дочери.

я, ты

В предрассветные часы перед твоим отъездом в Петербург без обратного билета я заживо хоронила нашу страстную липкую близость, хватаясь в безрассудстве за твою руку, ногу, душу, утопая в скомканном одеяле и смятой после нас в беспорядке простыне. Под мои завывания сломанного мотора ты тихо бормотал, гладил по голове, мочил руки в слезах, уговаривал, ругал и как всегда ничего не обещал. Я глотала ядерные комья боли, которые ты преподносил мне под видом вкусных конфет. Чудовищная Правда сидела рядом с нами и ржала как умалишенная, трогала меня и щекотала, не обращая на тебя никакого внимания. Правда состояла в том, что два влюбленных человека сознательно и в здравом уме крутят фарш из самого лучшего, что у них есть и было. Она ела меня все последующие годы, превращая в эмоционального бомжа. С этой ночи, когда я сосредоточила все свое счастье в твоей руке, и ты жадно резанул ее свистом уходящего «поезда на Ленинград», она паразитом жила в моем мозгу, назойливо напоминая о себе, унижая мою веру, разъедаая сомнениями, заставляя тебя не любить.

ты и я

Неприметный мастер в грязных штанишках копался в забитых каналах омывателя заднего стекла красного джаза, которого уже нет, а сбоку на сломанной обшарпанной табуретке была любовь.

– Бабушка говорит, что если ты уезжаешь в Питер, значит, ты меня не любишь, – и в этой фразе все: шуточное копирование тона Валентины Ивановны, показное равнодушие к прозвучавшему факту, жадная надежда в моих глазах, которые буквально бегали по твоему лицу, сдавая стометровку, и невыразимый, неизвестный тебе страх, что, наверное, так и есть.

– Ты, правда, думаешь, что я тебя не люблю?

А скромный мастер, копаясь в механических недрах железной штуки, даже не подозревал, что только что в его пахнущем маслом гараже сбылась моя красивая, сказочная, вымученная годами и проверенная на прочность патологическая мечта.

я и ты

На компьютере хранятся фотографии, которые сделала Т. в то любовно-жаркое лето, предпитейское, и которые до сих пор пахнут нами, дышат как настоящие и утвердительно кивают, что это было, что это живо, и которые ты отправил в пожизненную ссылку в дальний угол воронежского шкафа в рамке за стеклом. Под аромат наших любимых ромашек (и отнюдь не мерзких ирисов) я знакомилась с твоими родителями, одетая как назло в красное блядское платье и в длинные ноги на тонких шпильках, в ночь памяти начала второй мировой войны, ощущая себя круглой душой, но такой счастливой, под осторожные, но игривые взгляды твоего папы, угощавшего меня гречкой из котелка и чаем из шишек. Пока я начинала понимать гриффинский юмор, ты начинал любить макдак. Я сладко растворялась сахарной пудрой в твоём родном колхозе, твоей комнате с розовыми шторами и всего лишь два раза заглохла в Опти-мусе. Твой крестный дарил мне тюльпаны с грядки и подмигивал, а прекрасная мама целовала при встрече как свою вторую Машу. Мы красили твоей бабушке забор и кошку в синие цвета, отбиваясь от больнючих оводов, и как чертовски я была с тобой красива. Мы просыпались в охапку друг с другом в сених, пристроенных к сараю, с таким травяным деревенским запахом, кутаясь в потный ком, захлебываясь в сумасшедшей близости, душно крича, и мы засыпали в жарких мокрых поцелуях, веруя в непоколебимую верность, повзрослевшую вместе с нами за пока что четыре года. Я вся была одно твоё прикосновение к моему виску, прижимающее меня за шею крепкой рукой к себе, прижимающее добычу навсегда, этой животной хваткой.

мы.

Пережив распад нашего полугодового неафишируемого союза на почве «фальши в отношениях», а иже с ним и воронежские пожары, мое прощальное письмо без обратного адреса и твой типичный телефонный звонок через три месяца неизвестности, мы стояли в моей комнате на пороге рассвета, и гляделись карие в голубые, ужасно соскучившись друг по другу, но ещё не смеющие коснуться, блаженно оттягивая эту неминуемую минуту, чтобы дотронуться, улыбаясь и чего-то страшась, наслаждаясь больным томлением перед неизбежностью, когда твои губы сожрут мои, утопят, сотрут. В бешеном ритме биения под грудью, в мелькающих попытках жадно проглотить взгляд, прочесть мысль, коснуться спины, упасть в ноги, урывками вдыхать, звучит слово, нет, крик, вихрем, громко, что закладывает уши, но шепотом – *она*. Мы спали друг с другом ровно два года, делились личным искусством, чистили зубы одной растрепанной щёткой, переплетались ногами, читали книги, сливались губами, ели придуманную нами еду, учились слушать, но только не вдвоем, а втроем, с нами рядышком удобно устроилась *она*, как на заднем сидении у меня в машине, *она* ела с нами нашу еду,

решала свои билеты, читала наши книги, вплетала к нашим свои кривые ноги, лезла своими губами и ни черта не училась слушать, и мы все друг друга любили и наслаждались запахом никому не подаренных ирисов. «Мы очень красивая пара», – говорил ты, когда мы с тобой глядели в зеркало, и отлично смотрелись вдвоем. Но в тот предрассветный час мы взаимно вышвырнули ее вон, она перестала существовать как потенциальный вид, и началась серьезная часть нашей многолетней биографии, совсем вдвоем.

мы

Аварийный знак плавился на Острогожском кольце, и я проваливалась куда-то в недра асфальтового ада в компании с битым бампером нервной пенсионерки. Твои милые друзья пытались меня успокоить и деловито звонили куда-то, а она, тогда еще не известная мне как *она*, невозмутимо решала билеты для сдачи на права на заднем сидении моей машины под чьи-то настойчивые ухаживания. Ты был далеко за городом, ты ждал груз из четырех человек, раздраженно расспрашивал о ситуации по телефонным проводам и не очень мне сочувствовал. Вмятина на красном капоте, расписка о выплате ущерба и ватные от страха ноги бухнули в историческое прошлое и отвалились за поворотом моего сознания, мысли месили кашу и перетекали в тихий берег реки, ваши съемки фильма и в то, как *она* стреляла в одного из пленников. Я смотрела на это издалека, вне действия, не принадлежа вашей системе, сидя на траве в каком-то даже страшном медитирующем спокойствии. Что-то стрекотало в траве, что-то видел в *ней* ты, что-то вроде роли такси играла в этом процессе я и продолжала варить кашу из глупой первой аварии и предстоящего неподготовленного ГОСа. А ты как будто не замечал, не смотрел в меня, не читал меня, как будто это не ты забегал ко мне за кулисы обнимать сбитые в кровь ноги, и я дрожала под знойным майским солнцем от твоего подлого делового безучастия. В сумерках и в слезах я везла твоих друзей обратно в город, везла на заднем сидении ее, все еще не ведая, что это *она*, не ведая, кому в этот день я плела косы из красивых волос, и мне было дико стыдно, обидно, больно оттого, что они это видят, слышат и жалеют меня.

ты и я?

В коротком синем платье с голубой инфантильной ленточкой, перевязанной под грудью, дрожа, я выходила как будто не своими ногами на сцену под свои собственные слова, озвученные чужим голосом, эхом разлетающиеся по зрительному залу, полному ничего не понимающих людей, отскакивающие от всех четырех стен и попадающие тебе в уши. Мое внутреннее землетрясение выбивало из-под ног равновесие, а я, заряжаясь адреналином, натягивала подмы и колени, выбрасывала батманы, естественной неестественностью изворачиваясь в созданных мною танцевальных фразах, рассказывала тебе о том, что внутри. А через восемь минут, станцевав, я рыдала на грязном полу за правой кулисой, растирая блестящие тени по раскрасневшемуся от успеха лицу, потому что очень тяжело говорить вслух о любви, ведь я о ней всегда молчу. Ты появился резко, сразу, накатил со всех сторон, где-то у подножия моего закулисного мира, на деревянном подступе к выходу на сцену, целовал мои синяки, обнимал всю большими руками, говорил, комментировал, шептал, а я ничего не слышала и не пыталась слушать, глотая твое присутствие, впитывая твой запах, клевала тебя куда-то мимо губ в промежутках между всхлипывающими кивками головы и размазывала мое настоящее счастье по щекам.

я и ты?

Гуляя по солнечному Арбату, влекомая реквиемом по нам, я писала девчачью глупость со вкусом мармелада на известный мне наизусть номер, не зная, прочтешь ли ты ее после стольких месяцев обоюдного, на самом деле одностороннего, молчания, твоего. Сумбурная переписка затянула меня в наше скудное прошлое и выплеснула на ступеньки у Юрия Долго-

рукого, где я ждала тебя час, два, кусая губы, ногти, мозг, слушая, как любимый трек, «абонент вне зоны действия сети», перетекая из нескончаемой минуты в еще более нескончаемую, намертво прирастая к этому памятнику, бульвару, городу, гоняя по ногам нервы теннисным мячиком. Пришел, забрал, втянул в себя, как дым сигареты, как будто навсегда, но все-таки в эпизоде. Лились проспекты, мосты, летело все мимо, куда-то в другие города, а я чувствовала только твою руку в своей, за которой буду волочиться столько лет, которую не смогу отпустить в ночь перед отъездом в Петербург через пару лет, и только если ее отрубить, что ты и сделаешь. А пока что были МХАТ, мечта и амбиции, было только это сегодня вперемежку с короткими больными поцелуями. Ты накрывал меня глубокими философскими фразами, читал стихи, делал непроницаемые глаза, касался лица, остывал и пылал, диктуя сюжет глупой девочке, боявшейся сказать одно неправильное слово и потерять тонкую связь. Какая все-таки потрясающая подлость лежит в основе теории относительности, как по-разному мы воспринимаем одно и то же событие – ты прожил день, делая ставку на поступление, но провалил экзамен, и вываливал личную обиду своего раздавленного эго на появившуюся откуда ни возьмись, но при этом так кстати влюбленную в тебя бывшую подружку. А у меня внутри горело, воевало, какой-то мексиканский кактус рос во мне сверху вниз и снизу вверх, валетом, и мне не хватало всего московского воздуха, чтобы утолить легкие. Мимоходом брошенное тобой безжалостное слово я ощущала животом, и где-то в пупке рождалась та самая тошнота, не как после пьяной ночи, а как от предчувствия дурного, но лишь ты касался волос и так смотрел в лицо, как будешь еще много раз смотреть, будто впервые видишь, но уже так давно любишь, что боль из живота щекоткой поднималась к груди, и билась в агонии оттого, что ее никто не слышит. Ты думал о многом, но не обо мне. А в конце дня этот черствый, не знающий пощады и живущий по своему расписанию, фирменный 25-ый выдернул меня из жаркого липкого дня, выкрал из твоих столичных лап, швырнул в вагон, плюнув вдогонку моими первыми в жизни Lacoste и охапкой слез. Потом, через много наших лет, тебе подарит ирисы девушка из соседнего общежития, незнакомая тебе, наблюдающая за тобой в коридорах и на сцене в поисках твоего взгляда при встрече, мечтающая увидеть в нем то, что довелось увидеть мне. Ты будешь вкладывать в ее ирисы смысл и говорить: «Это так странно: ты ходишь, бреешься по утрам и ешь пельмени, а какой-то человек тебя очень любит». Я была этой девочкой с ирисами тогда у Юрия Долгорукова, но ты не вкладывал в них смысл, и я уверена, что даже не помнил этот день. Ахматова написала Мандельштаму, как мне кажется, с ехидством «Мальчик сказал мне: „Как это больно!“, И мальчика очень жаль». Я не дарила ирисы, меня не жаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.